

УДК 340.15(47+57)

DOI: 10.34670/AR.2026.46.57.004

Организационно-правовые основания советской миграционной политики в 1920-е годы

Шинкевич Павел Петрович

Преподаватель,
кафедра философии, иностранных языков
и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел,
Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России,
625049, Российская Федерация, Тюмень, ул. Амурская, 75;
e-mail: p-shinkevich@yandex.ru

Аннотация

В статье исследуется процесс формирования и эволюции организационно-правовых основ миграционной политики Советского государства в 1920-е годы. Автор анализирует миграционную политику как комплексный механизм, формировавшийся под воздействием идеологических, социально-экономических и нормативно-правовых факторов. В работе подробно рассматривается трансформация правового регулирования территориального перемещения населения в период перехода от «военного коммунизма» к новой экономической политике. Рассмотрен переход от административно-запретительной модели к гибкой системе плано-организованных переселений. Делается вывод о том, что сформированная в 1920-е годы организационно-правовая модель переселенческого дела создала фундамент для последующей директивно-мобилизационной системы перераспределения трудовых ресурсов в эпоху форсированной индустриализации и коллективизации.

Для цитирования в научных исследованиях

Шинкевич П.П. Формирование и эволюция организационно-правовых основ миграционной политики Советского государства в 1920-е годы // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 7А. С. 34-43. DOI: 10.34670/AR.2026.46.57.004

Ключевые слова

Миграционная политика, переселенческое дело, новая экономическая политика, военный коммунизм, плано-организованное переселение, правовое регулирование миграции, свобода передвижения.

Введение

В 1920–1930-х годах миграционная политика СССР развивалась без опоры на какую-либо загодя утвержденную единую концепцию. Ее выработка шла эмпирически, по мере отлаживания управленческого аппарата, и определялась совместным влиянием идеологических установок, хозяйственной ситуации и правоприменительной практики. Идеология, основанная на марксистско-ленинском учении, задавала принципиально новый вектор: перемещение населения перестало восприниматься как стихийный, рыночный процесс. Его трактовали исключительно в логике централизованного планирования, подчиненного задачам социалистического строительства и индустриально-аграрной реконструкции. В свою очередь, социально-экономическая обстановка (малоземелье в центральных губерниях РСФСР, хозяйственная разруха после Гражданской войны, а также потребность в освоении ресурсов восточных окраин) задавала конкретную географию и объемы переселений.

Организационно-правовые рычаги в этой схеме выполняли утилитарную роль. Государство задействовало разнородный набор административных мер: регламентацию статуса новоселов, налогово-транспортные преференции, механизмы прописки, а также прямой принудительный инструментарий в виде депортационных выселений и репатриаций. В 1920-е годы взаимодействие хозяйственных потребностей, политических установок и нормативно-правовых рычагов породило специфическую мобилизационно-плановую модель организации перемещения населения, эволюционировавшую на протяжении всего десятилетия.

Основная часть

Первым этапом стала трансформация правовых основ миграционного регулирования в период перехода от «военного коммунизма» к новой экономической политике (далее – НЭП). Период «военного коммунизма» принес с собой радикальный пересмотр всей правовой системы, включая принципы территориального перемещения граждан. Произошел фактический отказ от принципа свободы передвижения как внутри страны, так и при пересечении её внешних границ. Наиболее существенно эти ограничения отразились на сельском населении, составлявшем абсолютное большинство жителей страны.

Ключевым нормативным актом, зафиксировавшим отказ от прежних принципов переселения, стал Декрет ВЦИК от 19 февраля 1918 года «О социализации земли» [Декрет ВЦИК о социализации земли, 1918], а в дальнейшем – Закон «О социалистическом землеустройстве и о мерах к переходу к социалистическому земледелию» от 14 февраля 1919 года [Закон о социалистическом землеустройстве, 1919]. Названные акты фактически установили государственную монополию на регулирование любых земельных и миграционных отношений. Согласно этим нормам, государство забирало себе монопольное право на организацию любых перемещений. Самим мигрантам в этой схеме отводилась сугубо исполнительская функция – следование инструкциям и планам, спущенным из центра.

Законодательная база «военного коммунизма» фактически заблокировала межрегиональное переселение, будь то индивидуальное или организованное. На практике землеустройство ограничили локальными рамками: власти делили участки между малоземельными дворами лишь в пределах конкретных волостей, уездов и губерний. Подобные правила закономерно спровоцировали всплеск стихийных коротких миграций внутри регионов – крестьяне приспособлялись к кризису на знакомой местности, поскольку законных способов уехать

далее не существовало. В то же время дальний переезд на территории государственного колониального фонда искусственно блокировался жесткими административными средствами.

Сдвиг в правопонимании и регулировании переселенчества наметился в январе 1921 года во время II Всероссийского землеустроительного съезда. Именно его делегаты заложили новые юридические и методологические ориентиры для госаппарата [Второй Всероссийский землеустроительный съезд, 1921, с. 76]. Советскую систему принципиально противопоставляли дореволюционному и рыночному опыту. Вместо прежней «полной свободы хозяйственных передвижек» декларировался отказ от стихийности в пользу жестко регламентированного перемещения людей, встроенного в общереспубликанское планирование.

Стихийный миграционный поток (в документах тех лет — «самотек») получил официальное осуждение: в решениях съезда и инструкциях ведомств его квалифицировали как «неприемлемый и базирующийся на антигосударственной трактовке вопроса» [Второй Всероссийский землеустроительный съезд, 1921]. Чтобы признать ту или иную переселенческую кампанию законной и экономически оправданной, съезд утвердил два обязательных требования:

1. Наличие документально подтвержденного избытка трудовых и земельно-хозяйственных ресурсов на территории выхода мигрантов.

2. Наличие в регионе вселения свободного земельного фонда, прошедшего предварительное юридическое, землеустроительное и инфраструктурное освоение.

До момента точного установления соответствия обоим критериям проведение масштабных аграрных перемещений признавалось недопустимым.

Переход к новой экономической политике потребовал от государства кардинального пересмотра методов правового регулирования. Нарастающий поток стихийных мигрантов, вызванный последствиями разрухи и аграрным кризисом, поставил власть перед необходимостью легализации и нормирования миграционного движения. Экономическая политика 1920-х годов характеризовалась поиском баланса между государственным планированием и элементами рыночной и хозяйственной инициативы населения. В переселенческой сфере это выразилось в постепенном признании индивидуального переселения как допустимой формы хозяйствования, способствующей оптимизации использования земель.

Правовое регулирование периода НЭПа опиралось на необходимость гармонизации государственных целей с интересами самих мигрантов. Перед законодателем встала задача выработки комплексной системы мер:

1. Юридическое признание и легализация тех перемещений населения, которые способствовали росту производительности труда и эффективному освоению земель.

2. Закрепление за государственными органами исключительной прерогативы по установлению районов, разрешенных для заселения, с применением дифференцированных мер поддержки в зависимости от степени соответствия миграционного потока государственным приоритетам;

3. Создание единой институциональной системы переселенческого дела на всей территории РСФСР, функционирующей на основе принципа верховенства общегосударственных интересов над региональными и автономистскими устремлениями.

С 1922 года советское право совершило значительный шаг в сторону систематизации и либерализации нормативной базы, регулирующей территориальное перемещение граждан. Существенным этапом стало принятие Декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 24 января 1922 года «О

свободе передвижения по территории РСФСР» [Декрет ВЦИК и СНК РСФСР о свободе передвижения, 1922], а также серии сопутствующих актов. На законодательном уровне каждому гражданину гарантировалось право беспрепятственного перемещения по всей территории республики, за исключением специально установленных пограничных и режимных зон.

Параллельно советское правительство пошло на смягчение паспортно-визового режима при пересечении внешней границы государства. Правила выезда и въезда были упрощены как для граждан РСФСР, так и для иностранных граждан, что отражало стремление государства на начальном этапе НЭПа к определенной открытости и нормализации международных связей.

Дальнейшее укрепление единого правового пространства произошло в 1924 году с учреждением института общесоюзного гражданства. Принятие Постановления ЦИК СССР от 29 октября 1924 года «Положение о гражданстве Союза ССР» [Постановление ЦИК СССР о гражданстве, 1924] обеспечило юридическое равенство прав граждан всех союзных республик при перемещении по территории СССР, исключив необходимость получения дополнительных республиканских разрешений для проживания и трудоустройства.

Фундаментальную роль в формировании организационно-правовых основ миграционной политики сыграло принятие первой Конституции СССР 1924 года [Конституция СССР, 1924]. Основной Закон закрепил принцип глубокой централизации государственного управления ключевыми сферами жизни общества, включая миграционную сферу. В соответствии со ст. 1 Конституции СССР 1924 года, к исключительной ведению верховных органов власти Союза ССР (в лице ЦИК СССР и СНК СССР) было отнесено:

- Издание общесоюзных законодательных актов, определяющих основы и общий план перемещения населения, а также регулирующих межреспубликанские миграционные потоки;
- Установление единых принципов формирования, размера и порядка использования общесоюзного переселенческого фонда.

Таким образом, Конституция СССР 1924 года приравнивала миграционную политику к стратегическим направлениям государственного строительства – таким как бюджетное регулирование, денежное обращение и общесоюзное народнохозяйственное планирование. Перемещение населения между республиками окончательно приобрело статус явления общесоюзного значения.

В то же время конституционная модель советского федерализма породила специфический правовой дуализм. В соответствии с нормами Конституции, земельный фонд продолжал оставаться в государственной собственности союзных республик. Из этого следовало, что конкретный порядок землепользования, правила отвода участков, а также установление локальных ограничений на использование земель оставались в компетенции законодательных органов республик (РСФСР, УССР, БССР, ЗСФСР и др.). Подобное разделение полномочий делало неизбежным постоянный процесс согласования директив союзного центра с республиканскими земельными кодексами и нормативными актами.

Центральным кодифицированным актом, заложившим нормативную базу переселенческого дела в РСФСР, стал Земельный кодекс РСФСР (далее – ЗК РСФСР), принятый на IV сессии ВЦИК IX созыва 30 октября 1922 года и вступивший в силу с 1 декабря 1922 года [Земельный кодекс РСФСР, 1922]. Специальный раздел Кодекса (ст. 18, 21, 222, 223–226) был целиком посвящен регулированию переселения и ходочества.

ЗК РСФСР 1922 года нормативно утвердил принципы добровольности и свободы переселения, возложив общее руководство, координацию и контроль за всеми переселенческими процессами в республике на Народный комиссариат земледелия РСФСР

(далее – НКЗ РСФСР) и его специализированное Переселенческое управление.

Важнейшим юридическим новшеством Земельного кодекса РСФСР 1922 года стало введение четкой правовой дифференциации мигрантов. Законодатель разделил всех лиц, меняющих место жительства, на две принципиально разграниченные категории с разным правовым статусом:

1. Плановые (организованные) переселенцы. К данной категории относились граждане, перемещение которых осуществлялось в рамках утвержденных государством планов и под прямым руководством государственных органов. Для плановых переселенцев законодательство предусматривало широкий комплекс преференций и мер государственной поддержки:

- Полное или частичное освобождение от уплаты единого сельскохозяйственного (и иных) налогов на определенный нормативными актами срок (как правило, от 3 до 5 лет);
- Первоочередное предоставление заранее межеванных и обустроенных земель из государственного переселенческого фонда;
- Право на получение государственных ссуд на проезд, покупку инвентаря, скота и строительство жилья;
- Право на льготный (сниженный) железнодорожный тариф при транспортировке семьи и имущества.

2. Неплановые (самовольные) переселенцы – «самоходы». Статус тех, кто уезжал по своей инициативе в обход государственных программ, определялся Примечанием к ст. 225 ЗК РСФСР. Такие переселенцы изначально не могли рассчитывать на автоматическую помощь или преференции. Чтобы легализоваться, «самоходу» приходилось проходить бюрократический квест: получать специальное санкционирование от региональных или местных подразделений Наркомата земледелия. Документ открывал лишь два пути: «доприселение» (вхождение в уже созданные сельские общества с их официального согласия) либо наделение участками из свободного государственного фонда.

Впрочем, сам факт легализации не уравнивал их в правах с плановыми переселенцами. Землю им выделяли по остаточному принципу – только после того, как потребности организованных новоселов были полностью закрыты. Льготные тарифы на проезд и государственное кредитование на «самоходов» не распространялись в принципе.

Однако реальная правоприменительная практика на местах нередко расходилась со строгой буквой Земельного кодекса. На Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке местные исполкомы, испытывая сильный дефицит рабочих рук и сталкиваясь с потоками неорганизованных переселенцев, вынужденно шли на компромиссы. Региональное руководство издавало собственные подзаконные акты: процедуры узаконивания «самоходов» упрощали, а самих людей наделяли участками и вовлекали в производство, закрывая глаза на жесткие установки центральных ведомств.

Параллельно отладка миграционной политики требовала создания научной и организационной базы. На протяжении 1920-х годов профильные управленческие структуры непрерывно реформировались и переподчинялись.

В научно-методическом обеспечении процесса центральное место занял Государственный научно-исследовательский колонизационный институт (ГНИКИ), действовавший при НКЗ РСФСР с 1922 по 1930 год. Спектр задач института был весьма широк: от оценки земельно-водных ресурсов и демографической емкости территорий до построения математико-экономических моделей планового заселения и подготовки проектов нормативных актов.

Параллельно в РСФСР выстраивалась система государственного текущего учёта

перемещения населения. Органы ЗАГС, народные комиссариаты внутренних дел и земельные ведомства внедряли единые формы статистической отчетности (переселенческие билеты, регистрационные листы ходоков). Важным шагом в научном и нормативном обеспечении миграционной политики стало включение детального блока вопросов о перемещениях населения в программу Всесоюзной переписи населения 1926 года, которая зафиксировала реальные масштабы, направления и социальную структуру миграционных потоков [Всесоюзная перепись населения 1926 года, 1926].

Правовое регулирование системы материально-технического и финансового стимулирования миграции в 1920-е годы формировалось под влиянием сочетания дореволюционного опыта освоения восточных территорий и новых советских хозяйственных механизмов. Комплекс государственно-правовых мер поддержки организованных переселенцев включал:

1. Законодательно гарантированное предоставление земельных наделов, а для рабочих и служащих, направляемых в совхозы и на промышленные объекты – жилой площади;
2. Выплату целевых денежных надбавок, подъемных средств и надбавок к социальным пособиям, финансируемых непосредственно из общесоюзного и республиканского бюджетов;
3. Предоставление налоговых каникул по сельхозналогу и местным сборам;
4. Бесплатный провоз имущества и льготные тарифы на железнодорожном и водном транспорте.

Стимулирование перемещения граждан в стратегически значимые и необжитые регионы подкреплялось дифференцированной системой нормативно закрепленных преференций, критериями назначения которых выступали:

- Профессионально-квалификационный уровень и ценность привлекаемых кадров для конкретных задач хозяйственного строительства;
- Экономический статус и приоритетность отрасли народного хозяйства или осваиваемого региона;
- Климатическая, географическая и инфраструктурная сложность района вселения.

Ограниченность государственных финансовых ресурсов в середине 1920-х годов вынуждала органы власти регулярно корректировать нормативные требования к контингенту переселенцев. В частности, на Втором Всероссийском совещании земельных работников (1924 г.) была зафиксирована установка на то, что в условиях жесткого бюджета государственное организованное переселение должно ориентироваться преимущественно на зажиточные и крепкие крестьянские хозяйства, обладающие собственными материальными средствами для обустройства на новом месте. Обязательным правовым условием проведения переселенческих актов провозглашалось предварительное полное завершение землеустроительных работ среди местного (автохтонного) населения в районах вселения [Второе Всероссийское совещание земельных работников, 1924].

Для пресечения неконтролируемого миграционного движения Наркомат земледелия РСФСР в 1925 году издал специальную директиву, запрещающую местным земельным органам, районным исполнительным комитетам и сельским советам выдавать разрешительные документы (проходные свидетельства) ходокам и самовольным переселенцам, направлявшимся в густонаселенные или не подготовленные к приему регионы — в частности, в Уральскую область, на Северный Кавказ и в Крымскую АССР [Наркомат земледелия РСФСР, 1925, с. 137].

Отдельно следует отметить, что формирование советской миграционной политики в 1920-е годы протекало в условиях сложного взаимодействия между центральными органами власти и

руководствами национально-территориальных автономий (Туркестанская АССР, Киргизская/Казахская АССР и др.). Процесс государственного строительства, сопровождавшийся национально-территориальным разграничением в Средней Азии (1924–1925 гг.) и административными реформами, существенно влиял на правовой режим регулирования миграций.

В официальных документах и нормативных актах 1920-х годов межнациональные и земельные отношения на периферии осмысливались через призму острой критики дореволюционной переселенческой практики. В официальном дискурсе 1920-х годов дореволюционная колонизация Степного края и Туркестана трактовалась исключительно как «инструмент национального угнетения». Отчуждение земель у местного оседлого и кочевого населения в пользу казачества и выходцев из центральных губерний объявлялось преступлением царского режима, а новый советский курс декларировал обязательную ликвидацию последствий этих изъятий.

Исходя из этих установок, руководство Туркестанской и Киргизской (Казахской) АССР заняло бескомпромиссную линию по отношению к внешним переселенцам. Защищая земельный фонд в пользу автохтонного населения и создавая условия для его перевода на оседлость, республиканские власти приняли пакет актов, поставивших заслон на пути внешнереспубликанской колонизации. Территории автономий оказались фактически закрыты для нерегулируемых потоков: нелегализованных мигрантов, въехавших без санкции союзного или республиканского центра, местные органы выдворяли и депортировали в принудительном порядке.

Наиболее детально и жестко нормативно-правовой режим регулирования миграций и использования земельного фонда был сконструирован в Киргизской (Казахской) АССР. В условиях проведения земельно-водных реформ и землеустройства кочевого населения республиканское законодательство ввело четкую правовую классификацию и дифференциацию некоренного (преимущественно русского и украинского) населения по критерию легитимности их землепользования:

1. Категории граждан, обладавших законным правом на землепользование:

– Лица, официально прибывшие и наделенные землей до опубликования Декрета «О социалистическом землеустройстве» от 19 февраля 1918 года;

– Лица, переселившиеся и легализованные в промежуточный период между принятием Декрета 1918 года и введением в действие Закона РСФСР «О трудовом землепользовании» от 31 августа 1922 года;

– Переселенцы, которым земля была выделена на законных основаниях в соответствии с официально установленными для оседлых земледельческих зон трудовыми нормами наделения.

За указанными категориями граждан право на фактически занимаемые земельные наделы закреплялось в полном объеме.

2. Категория самовольных (нелегализованных) переселенцев. К данной группе относились лица, прибывшие на территорию автономной республики в разное время без официальных разрешений центральных или республиканских переселенческих органов. Нормативные акты республики предусматривали дифференцированный подход к их правовому статусу. Часть самовольных переселенцев, чье пребывание признавалось хозяйственно нецелесообразным или ущемляющим земельные права автохтонного населения, подлежала обязательной репатриации (принудительной депортации) в регионы первоначального проживания. Другой части самовольных мигрантов в виде исключения разрешалось продолжать хозяйственную

деятельность, но исключительно на условиях заключения договоров возмездной (платной) аренды земли у государственных органов или местных сельских обществ.

На губернские и областные земельные управления автономий возлагалась нормативная обязанность по ведению детального персонального учета самовольных мигрантов и передаче списков в Центральный земельный комиссариат республики для организации высылки. Местные органы власти под угрозой административной и уголовной ответственности были обязаны пресекать проникновение новых мигрантов извне, а при их обнаружении – безотлагательно выдворять их за пределы республики.

Однако к середине 1920-х годов реализация такой жесткой региональной политики привела к возникновению серьезных межнациональных и экономических противоречий. Наблюдался явный перекося в сторону предоставления юридических преференций по этническому и автохтонному признаку в ущерб общей хозяйственной целесообразности и интересам переселенцев из других регионов СССР. Для урегулирования возникшего кризиса и гармонизации союзного и республиканского законодательства Президиум ВЦИК был вынужден создать специальную Комиссию по координации землеустроительных и переселенческих работ в южных районах Казахстана и Киргизии. Комиссия выработала компромиссные правовые механизмы, снизившие уровень административного давления на переселенцев при сохранении приоритета землеустройства коренного населения [Комиссия Президиума ВЦИК, 1925, с. 43-44].

Организационно-правовые основания советской миграционной политики в 1920-е годы прошли стремительную эволюцию, отразившую общий вектор развития Советского государства от периода революционного разрушения правовых институтов к выстраиванию жесткой системы централизованного государственного управления.

В период «военного коммунизма» миграционная политика опиралась на административно-запретительную модель, выражавшуюся в фактической национализации сферы перемещения населения, отмене принципа свободы передвижения и ограничении землеустройства внутренними рамками губерний.

С переходом к НЭПу произошла концептуальная и законодательная трансформация. Ввод в действие Декрета о свободе передвижения 1922 года, принятие Земельного кодекса РСФСР 1922 года и Основного Закона СССР 1924 года ознаменовали переход Советского государства к гибким нормативным рычагам управления. Главным результатом этой трансформации стало оформление двухуровневой (союзно-республиканской) вертикали регулирования миграций, а также четкая юридическая сепарация переселенцев на организуемых (плановых) и стихийных («самоходов»).

Правовое регулирование в этот период опиралось на четыре базовых механизма:

1. Селективный доступ мигрантов к земельным наделам, а также государственному финансированию и снабжению;
2. Пакет налоговых, транспортно-тарифных и имущественных преференций, подкреплявший плановые перемещения;
3. Систему административного контроля, регистрации и статистического учета переселенческих потоков;
4. Административно-принудительный инструментарий (ограничительные въездные режимы и выдворения/депортации), задействованный в национально-территориальных автономиях.

Заключение

Таким образом, правовая и институциональная инфраструктура переселенческого дела, заложенная в 1920-х годах, подготовила нормативную почву для последующего перехода к тотальной директивно-мобилизационной системе 1930-х годов, обеспечившей жесткое пространственное перераспределение рабочей силы под задачи индустриализации и коллективизации.

Библиография

1. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Москва: Издание ЦСУ СССР, 1926.
2. Второе Всероссийское совещание земельных работников (1924 г.): материалы. Москва, 1924.
3. Второй Всероссийский землеустроительный съезд (январь 1921 г.): материалы. Москва, 1921.
4. Декрет ВЦИК от 19 февраля 1918 года «О социализации земли» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1918. № 25. Ст. 346.
5. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 24 января 1922 года «О свободе передвижения по территории РСФСР» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1922. № 11. Ст. 105.
6. Закон «О социалистическом землеустройстве и о мерах к переходу к социалистическому земледелию» от 14 февраля 1919 года // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1919. № 4. Ст. 43.
7. Земельный кодекс РСФСР, принятый IV сессией ВЦИК IX созыва 30 октября 1922 года // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1922. № 68. Ст. 901.
8. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик 1924 года // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства СССР. 1924. № 2. Ст. 24.
9. Наркомат земледелия РСФСР. Директива 1925 года о запрете выдачи разрешительных документов ходакам и самовольным переселенцам. Москва, 1925.
10. Постановление ЦИК СССР от 29 октября 1924 года «Положение о гражданстве Союза ССР» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства СССР. 1924. № 23. Ст. 202.

Organizational and Legal Foundations of Soviet Migration Policy in the 1920s

Pavel P. Shinkevich

Lecturer,
Department of Philosophy, Foreign Languages
and Humanitarian Training of Employees of Internal Affairs Bodies,
Tyumen Institute for Advanced Training
of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
625049, 75, Amurskaya str., Tyumen, Russian Federation;
e-mail: p-shinkevich@yandex.ru

Abstract

The article examines the process of formation and evolution of the organizational and legal foundations of the migration policy of the Soviet state in the 1920s. The author analyzes migration policy as a complex mechanism formed under the influence of ideological, socio-economic, and regulatory factors. The work examines in detail the transformation of the legal regulation of the territorial movement of the population during the period of transition from "War Communism" to

the New Economic Policy. The transition from an administrative-prohibitive model to a flexible system of planned and organized resettlements is considered. It is concluded that the organizational and legal model of resettlement affairs formed in the 1920s created the foundation for the subsequent directive-mobilization system of redistributing labor resources in the era of forced industrialization and collectivization.

For citation

Shinkevich P.P. (2026) Formirovanie i evolyutsiya organizatsionno-pravovykh osnov migratsionnoy politiki Sovetskogo gosudarstva v 1920-e gody [Organizational and Legal Foundations of Soviet Migration Policy in the 1920s]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (7A), pp. 34-43. DOI: 10.34670/AR.2026.46.57.004

Keywords

Migration policy, resettlement affairs, New Economic Policy, War Communism, planned resettlement, legal regulation of migration, freedom of movement.

References

1. All-Union Population Census of 1926. (1926). Moscow: Izdanie TsSU SSSR.
2. Decree of the All-Russian Central Executive Committee of February 19, 1918 "On the Socialization of Land". (1918). Collection of Laws and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR, (25), Art. 346.
3. Decree of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR of January 24, 1922 "On Freedom of Movement on the Territory of the RSFSR". (1922). Collection of Laws and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR, (11), Art. 105.
4. Law "On Socialist Land Management and on Measures for the Transition to Socialist Agriculture" of February 14, 1919. (1919). Collection of Laws and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR, (4), Art. 43.
5. Land Code of the RSFSR, adopted by the IV Session of the All-Russian Central Executive Committee of the 9th Convocation on October 30, 1922. (1922). Collection of Laws and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR, (68), Art. 901.
6. People's Commissariat of Agriculture of the RSFSR. Directive of 1925 on the Prohibition of Issuing Permits to Scouts and Unauthorized Migrants. (1925). Moscow.
7. Resolution of the Central Executive Committee of the USSR of October 29, 1924 "Regulation on Citizenship of the Union of Soviet Socialist Republics". (1924). Collection of Laws and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR, (23), Art. 202.
8. The Constitution (Fundamental Law) of the Union of Soviet Socialist Republics of 1924. (1924). Collection of Laws and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR, (2), Art. 24.
9. The Second All-Russian Land Management Congress (January 1921): Materials. (1921). Moscow.
10. The Second All-Russian Meeting of Land Workers (1924): Materials. (1924). Moscow.